

Г. И. Кустова

**СЛОВА СО ЗНАЧЕНИЕМ ВЫСОКОЙ СТЕПЕНИ:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
И СЕМАНТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
(MAGN'Ы-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ)***

Юрию Дерениковичу Апресяну

Лирическое вступление

В статье рассматриваются слова со значением высокой степени, к которым будет применяться заимствованное из арсенала модели «Смысл ↔ Текст» (МСТ) обозначение Magn. Как известно, в МСТ Magn — одна из лексических функций (ЛФ), к которой относятся слова, идиоматично выражающие смысл ‘очень’ при некотором ключевом слове и помещаемые в его словарной статье, например *истошный вопль, мертвецки пьян, закадычный друг, вопиющая несправедливость* и т. п. Мы будем понимать Magn максимально широко (возможно, более широко, чем это допускается канонами МСТ), называя Magn'ами любые слова со значением высокой степени. Впрочем, и в трудах самих основоположников и теоретиков МСТ есть довольно разные примеры Magn'ов — от фразеологически связанных (*жгучий брюнет, кремешная тьма*) до относительно свободных, ср. *громко кричать, сильный дождь, продолжительный обыск* [Мельчук 1974: 89], *тяжело ранить, абсолютно здоровый* [Апресян 1974: 45]. Тем не менее прежде всего лексикализованные и фразеологизованные сочетания всегда составляли специальный интерес и специальную проблему для МСТ — не только теоретическую, но и практическую (в частности, потому, что важным прикладным ориентиром МСТ был автоматический перевод и автоматическое перефразирование). Разработанный в рамках МСТ универсальный словарь (ср. [ТКС 1984]) предполагал, в числе прочего, словарную фиксацию при каждом ключевом слове списка значений его лексических функций.

Для нас в данной работе Magn — это не только и не столько список слов, сколько прежде всего — сам смысл ‘очень’, его образование на базе семантики исходно не степенных слов и его взаимодействие с контекстами — словами разных семантиче-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-04-00183а; языковой материал извлечен из Национального корпуса русского языка.

ских классов. Смысл 'очень', выражаемый функцией Magn, входит в набор смыслов, образующих в языках мира «универсальный инвентарь грамматических и / или словообразовательных категорий» [Мельчук 1974: 106]. Этот смысл может выражаться отдельными словами, может синтагматически совмещаться в одном слове с другими ЛФ, ср. *бушевал шторм* (FUNC0 + MAGN, см. [Апресян 2008: 24]), а может и парадигматически — когда одно слово выражает три разных функции, ср. пример из [Там же: 28—29]: MAGN=BON=VER (*алиби*) = *железное / надежное*.

Для наших дальнейших рассуждений важно отметить, что в научной истории МСТ акцент постепенно смещался с фразеологической связанности и «словарности» ЛФ на их семантическую мотивированность ([Ройтер 1994; Reuther 1996]). В недавних работах Ю. Д. Апресяна [Апресян 2004а, б; 2006; 2008] «словарность» и «семантическая пустота» глагольных ЛФ семейства OPER-FUNC-LABOR была если не окончательно «побеждена», то, во всяком случае, уравновешена с семантической. Сочетания названий ситуаций с глагольными функциями OPER, FUNC и LABOR описаны в терминах мотивированности, семантических предпочтений и лексикографических ожиданий. Подчеркнем, что речь идет о самом трудном участке пространства ЛФ, который образован полуслужебными, семантически «опустошенными» значениями глаголов (ср. *принять решение, оказать поддержку, нанести удар*) и которые в ранней истории МСТ приводились как прототипические примеры «необъяснимой сочетаемости»: «можно *производить осмотр*, но не *контроль* и *находиться под контролем*, но не *под осмотром*» [Апресян 2004а: 5].

Надо сказать, что хотя Magn'ы и глагольные функции OPER, FUNC и LABOR относятся к одному и тому же типу лексических параметров [Мельчук 1974: 81], они существенно различаются по целому ряду признаков. Глагольные функции появляются как бы в результате аналитического разложения глагола на имя ситуации и служебный глагол. Конечно, не всем коллокациям соответствует исходный («целый») глагол, ср. *причинить вред — навредить, причинить ущерб — ???*. Но и сочетания второго типа все равно представляют собой конструкцию, где ЛФ выражает некоторое синтаксическое отношение между актантами и именем ситуации.

И хотя язык «подбирает» (используем такую метафору) из полуснаменательных глаголов и полуслужебных значений глаголов наиболее подходящие для выражения данного синтаксического отношения, и в этом выборе, как показано в работах Ю. Д. Апресяна, учитывается и семантика ключевого слова и даже, пусть «слабая» и размытая, семантика ЛФ, а в результате образуются вполне отчетливые корреляции между классами ключевых слов и обслуживающими их ЛФ (например, акциональные имена сочетаются с глаголами *делать* и *производить* — *делать надрез, производить перемотку* [Апресян 2004а: 11—12]), — все-таки во многом отношения между именем ситуации и глагольными ЛФ носят «синтаксический» характер (и понадобились годы, чтобы обнаружить в этом синтаксисе семантику). Кроме того, при каждом существительном глагольных ЛФ относительно немного.

С Magn'ами дело обстоит иначе. Во-первых, они не «выделяются из слова» путем аналитического разложения, а «прибавляются» в качестве дополнительной ин-

формации. Т. е. речь идет не о механизме эквивалентного перефразирования, а о механизме семантического приращения.

Во-вторых, сочетания с Magn'ами заведомо семантически мотивированы в том смысле, что значение степени выражается только при словах с качественной, количественной и оценочной семантикой, которые обозначают градуируемые признаки, и, вообще, при словах, значение которых моделируется шкалой. Это, например, процессы, которые можно представить как движение по шкале (*увеличиваться, остывать*; впрочем, такие глаголы можно просто считать семантически производными от прилагательных), специфические внутренние состояния человека и их внешние проявления, которые тоже градуируются по шкале интенсивности, — *боль, дрожь, кашель, страх, радость* и т. п. Т. е. не просто заранее известно, что у этих слов возможны показатели степени, но и доказательством, проверочным тестом, языковым свидетельством того, что данное слово является качественным (например, качественным, а не относительным прилагательным), служит возможность присоединения степенных слов. При этом у многих слов, например качественных прилагательных и наречий, сочетаемость с показателями степени — Magn'ами, а также словами, выражающими относительную, меньшую и т. п. степень (ср. *довольно, относительно, слегка*), — основная и чуть ли не единственная, ср. сочетаемость слова *мокрый* по данным Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ или Корпус): *совсем, совершенно, абсолютно, насквозь, страшно, очень, умеренно*; даже контексты (немногочисленные) типа *всегда мокрый, вечно мокрый, постоянно мокрый* «подтягиваются» к Magn'ам, описывая другой аспект большого количества — временной.

В-третьих, если глагольных ЛФ одного типа (например, *Орег'ов*) у одного слова обычно мало (возможно, один), Magn'ов у одного слова может быть довольно много, например, у слова *интерес*, по данным НКРЯ, — более 20, у слов *любовь* и *скорость* — более 30, у слова *ответственность* — около 40 Magn'ов. Есть определенная статистическая закономерность в распределении Magn'ов по частям речи. У «исходных» признаков слов (прилагательных и наречий) Magn'ов не так много: у наречий — 15, у предикативов — 20, у прилагательных — порядка 130; у глаголов их уже порядка 230 (мы указываем порядок, а не точную цифру, т. к., во-первых, сама квалификация слова как Magn'а не всегда очевидна и здесь возможны расхождения, во-вторых, мы пользуемся данными НКРЯ, а он постоянно пополняется, т. е. количество Magn'ов потенциально изменчиво — в сторону увеличения), у существительных — порядка 430, из них Magn'ов абстрактных существительных — порядка 350.

Замечание

Ясно, почему у прилагательных и наречий Magn'ов меньше, чем у глаголов и существительных. Прилагательные и наречия — это просто признаки, а к признаку обычно нельзя ничего добавить, кроме «чистой» степени (*очень холодный*) либо отношения с внешним наблюдателем (*удивительно холодный, обжигающе холодный*). У гла-

голов Magn'ов уже больше, т. к. у них есть еще характеристики субъекта (*ожесточенно спорить, до умопомрачения ревновать*), разного рода показатели предела (*до отказа набить, до нитки промокнуть*). И, наконец, абстрактные существительные «собирают» все Magn'ы, поскольку они по происхождению могут быть связаны и с прилагательными, и с глаголами.

Далее мы будем анализировать только Magn'ы абстрактных существительных (т. е. исключаются названия лиц, ср. *заядлый рыбак, отъявленный мошенник*, и названия совокупностей, ср. *щедрый урожай*, — у таких слов количество и разнообразие Magn'ов невелико). Абстрактные существительные представляют интерес по ряду важных параметров. Они разнообразны по составу семантических классов: погодные и природные явления (*вьюга, жара, землетрясение*), процессы (*понижение, инфляция*), названия параметров (*скорость, стоимость, смертность, занятость*), разнообразные целенаправленные действия человека (*атака, слежка*), внутренние процессы и состояния человека (ментальные, эмоциональные) и их внешние проявления (*уверенность, заблуждение, скука, интерес, страдания, тревога, недоумение, улыбка, рыдания*), различные виды речевых актов и жанров (*похвала, клевета, дискуссия, упрек, призыв, протест, нагоняй*), свойства и качества человека (*беспечность, доверчивость, изворотливость, преданность, расточительность, скромность, упрямство, эгоизм*), а также многочисленные интерпретационные и оценочные названия, которые могут относиться к признакам и ситуациям (*беспорядок, суматоха, паника, волокита, преступление, месть, расправа, произвол, неприятности, трудности*), видам поведения (*разгул, горячность, покорность, почтительность, нападки*), результатам деятельности (*подвиг, заслуга, успех, провал*), собственно экспрессивно-оценочные слова (*гадость, безобразие, кошмар, ерунда*) и др. Кроме того, у абстрактного существительного обычно набирается до десятка Magn'ов, а иногда и больше, см. данные выше. И говорящий должен выбрать тот, который соответствует его коммуникативным и семантическим задачам.

Как уже было сказано вначале, нас будут в первую очередь интересовать не списки, а механизмы, не устойчивость и идиоматичность, а семантическая мотивированность и семантические закономерности. Но к вопросу об устойчивости мы, тем не менее, еще вернемся.

Почему Magn'ов так много...

Основной вопрос можно сформулировать так: почему Magn'ов так много и как построены их семантические связи с ключевыми словами?

Характеристика степени градуируемого признака вполне обеспечивается основными, «элементарными» Magn'ами с наиболее широкой и нейтральной сочетаемостью — степенными *очень, весьма, крайне, сильно, чрезвычайно* и под. и предельными *совсем, совершенно, полностью*, — с соответствующими прилагатель-

ными: *большая скорость, сильное удивление, полное уничтожение* и под. (о разграничении степенных и предельных слов см. подробнее [Апресян 1974: 65—67]).

Большинство Magn'ов — это не характеристики собственно признака или ситуации, а характеристики человека (т. е. такое количество Magn'ов — результат всеохватных и всепроникающих метонимических сдвигов). Условно здесь можно выделить две возможности. Человек может быть либо внешним наблюдателем, воспринимаящим и оценивающим ситуацию со стороны, реагирующим на высокую степень признака: *ослепительная красота, головокружительная высота*; либо участником: *плясать до упаду* — в этом случае сам субъект и отвечает за высокую степень интенсивности протекания ситуации. Magn'ы первого типа (приписываемые ситуации внешним наблюдателем) можно назвать внешними, Magn'ы второго типа («извлекаемые» из самой ситуации) — соответственно, внутренними. Но еще раз подчеркнем, что это разделение условное, поскольку человека реагирующего (а иногда и «претерпевающего» воздействие, как это часто бывает в случае внешних Magn'ов) трудно считать просто наблюдателем.

Перейдем к обзору (по необходимости краткому) тематических групп Magn'ов и моделей их образования.

Происхождение многих групп Magn'ов в широком смысле — экспериенциальное (экспериенциальная модель дает как внешние Magn'ы, ср. *поразительная точность*, так и внутренние, ср. *жгучая обида*). Именно благодаря своей экспериенциальной «составляющей» человек «замечает» большую степень признаков у окружающих предметов и ситуаций и реагирует на нее. Конечно, в первую очередь это относится к тем признакам предметов и ситуаций, которые непосредственно воздействуют на человека.

Различные «экспериенциальные ситуации» (экспериенциальные взаимодействия человека с миром), типы экспериенциальных реакций образуют модели, в которые метафорически (т. е. вполне мотивированно, по аналогии) встраивается высокая степень признака самых разных ситуаций:

тяжесть давит, отнимает силы, пригибает к земле и в какой-то момент становится невыносимой (ее нельзя нести) → *тяжелая болезнь, утрата; невыносимая боль, горе, страдание*;

горячее согревает, «возбуждает», делает человека более активным (а иногда заставляет «горячиться») → *горячий спор, горячая поддержка*;

слишком горячее обжигает, болезненно жжет, ранит → *жгучая обида, ненависть, стыд, обжигающий мороз, холод*;

острое пронзает и ранит → *острая критика, острая обида, пронзительная боль*;

слишком яркий свет слепит, ослепляет → *ослепительная белизна, красота*;

слишком громкий звук оглушает → *оглушительная овация* (с дальнейшим переносом по аналогии: *оглушительный успех, провал*).

Кроме систем восприятия высокая степень признака может воздействовать на эмоциональную систему: *внушительный, возмутительный, впечатляющий, изумительный, ошеломляющий, поразительный, потрясающий, удивительный, ужаса-*

сающий; по принципу сильного воздействия на человека-Экспериментера устроены также Magn'ы *головокружительный, душераздирающий, пьянящий, умопомрачительный* (сюда же в качестве «естественного продолжения» можно присоединить *сногшибательный* и *убийственный*, которые описывают результат, сказавшийся уже не только на душевном состоянии, но и на физическом).

Но даже и просто, например, большой размер выделяется на общем фоне, бросается в глаза, т. е. в конечном счете действует на человека. Отсюда значительная группа Magn'ов от прилагательных большого размера: *гигантский, исполинский, колоссальный* и т.п.

Выделяются на нейтральном фоне различные проявления, выходящие за пределы нормы, типовых представлений и ожиданий, «регулярного поведения», освоенного мира: *бешеный, сумасшедший, дикий*, ср. также более «рациональные» *беспримерный, беспрецедентный, исключительный, крайний, необыкновенный, необычайный, редкий, редкостный, уникальный, чрезвычайный, чрезмерный, экстраемальный, экстраординарный*, а также явления, находящиеся за пределами человеческого мира, человеческой природы: *демонический, чертовский, нечеловеческий, зверский* (большинство приведенных слов не сразу попадают в Magn'ы, а проходят определенные промежуточные стадии, см. ниже).

Еще один источник пополнения Magn'ов — прототипические носители признаков. Прилагательное отсылает к существительному, денотат которого имеет в своем «фрейме» характерное свойство, и становится обозначением высокой степени этого свойства: *ангельский, арктический, снежный (белизна), богатырский, волчий (голод), гробовой, громоподобный, животный, звериный, кристальный (чистота), мертвенный, мертвецкий, мертвый, могильный, молниеносный, ослиный, рабский, райский, сказочный, телячий, титанический, царский, ювелирный*. Формула сравнения не «субстантивная» (ср. *бархатный голос* — ‘как бархат’), а «синтаксическая»: *сказочный* — ‘как в сказке’, *животный* — ‘как у животного’:

рабская покорность — ‘как у раба, а у раба очень большая’;

райское наслаждение — ‘как в раю, а в раю очень большое’.

(Слова типа *адский, варварский, дьявольский, чудовищный* в некоторых сочетаниях сохраняют исходную компаративную модель, но в большинстве сочетаний употребляются как обычные показатели высокой степени, ср. *адские муки* (и ‘большие’, и ‘как в аду’), *адский хохот, адская жара* (так сказать, пекло) vs. *адская боль, адский шум, адский визг, адская тяжесть, адский напор* — при этом во второй группе сохраняется отрицательная оценка ситуации.)

Среди «внутренних» Magn'ов, т. е. характеристик, «поставляемых» не внешним наблюдателем, а самой ситуацией, можно выделить два основных вида — субъектные и фреймовые.

Субъектные характеристики относятся, соответственно, к субъекту: *азартный (спор), активный (активное участие), безудержный (хохот), бездушный (эгоизм* — у субъекта нет души, а не у эгоизма, ср. *бездушный эгоист), безжалост-*

ный, беззастенчивый, безрассудный, безропотный, безустанный, беспощадный, бессовестный, бесстыдный, бесшабашный, горячий, исступленный, истошный, истовый, наглый, надрывный, нарочитый, неистовый, немой (немая покорность), остервенелый, отчаянный, рьяный, слепой (слепая ярость — без разбора, без анализа; слепая покорность — без рассуждений), страстный, фанатический, фанатичный, яростный и др. При этом субъект может находиться в «возбужденном» состоянии (азартный, страстный, яростный спор), вкладывать в деятельность много сил, энергии (активная поддержка, рьяные нападки) или, наоборот, характеризоваться пассивным поведением (безропотное подчинение); его деятельность может оцениваться с точки зрения отношения к объекту (обычно — тоже человеку: беспощадное уничтожение, безжалостная ирония) или с точки зрения моральных норм (бессовестная ложь). В любом случае исходная характеристика субъекта метонимически «перемещается» к абстрактному существительному в качестве Магп'а.

Фреймовые Магп'ы — достаточно условный класс. Они относятся к типичному окружению ситуации, к типичным, характерным действиям, которые ее сопровождают, которые с ней ассоциируются:

безутешное горе, безутешные рыдания — типичным является утешение плачущего и горящего, хотя в принципе утешать можно и человека, проигравшего в карты;

клятвенное обещание — типично дать клятву в подтверждение своего обещания (*Поклянись, что сделаешь!*);

безбожное вранье — безбожным может быть многое, но именно с сообщением информации связано требование побожиться;

безвозвратная потеря — потерянное обычно ищут, стараются вернуть;

неопровержимый — относится к широкому кругу контекстов: *аргумент, довод, факт, улика, истина, алиби, доказательство, свидетельство* — все это нередко пытаются опровергнуть (в суде, в споре);

несмываемый позор — позор «пачкает», «марает», является пятном, которое трудно «смыть», а *несмываемое оскорбление*, по-видимому, может быть связано еще и с тем, что в старые времена оскорбление полагалось смывать кровью (например, на дуэли).

Фреймовые Магп'ы нередко покидают свою группу, границы исходной сочетаемости размываются. Например, *непреодолимое препятствие* — это фреймовая характеристика (для препятствий типично, что их преодолевают или пытаются преодолеть, соответственно, *преодолеть* — ЛФ к *препятствие*). Что касается контекстов типа *непреодолимое желание, влечение, стремление, презрение, отвращение* — то их можно считать просто показателями высокой степени ('такое сильное Р, что его невозможно преодолеть'); при этом с чувствами, вообще говоря, не связано устойчивое представление, что их надо преодолевать), но некоторые желания и чувства, например низменные, отрицательные, требуется (в определенной системе ценностей) преодолевать, и тогда этот Магп будет интерпретироваться как фреймовый.

... и как они образуются

Таким образом, из приведенного выше краткого обзора видно, почему «накопилось» такое большое количество Magn'ов. Есть множество источников «поступления» Magn'ов: некоторые слова имеют даже свои собственные, так сказать, индивидуальные Magn'ы (*арктический холод*; *клятвенное обещание* и под.), а кроме того, существует множество маркированных состояний участников ситуации (*безрассудный, испуганный*) и множество разнообразных реакций и оценок (*потрясающий, невообразимый*), коррелирующих с высокой степенью.

Но, несмотря на все это разнообразие, основных механизмов образования Magn'ов все-таки два — парадигматический, т. е. аналогия, и синтагматический, т. е. метонимия, — хотя внутри этих механизмов существуют разные более частные модели, как и вообще существует много разновидностей метафоры и метонимии.

Среди Magn'ов, построенных по аналогическому принципу, есть метафорические (*безграничный, бездонный, мощный, твердый*) и компаративные (*ослиный, рабский*).

Среди метонимических (синтагматических) Magn'ов наиболее многочисленными являются имплицативные Magn'ы, т. е. характеризующие высокую степень через ее импликацию, следствие, и субъектные (которые мы уже рассматривали).

Имплицативная модель — ‘Степень Р так высока, что вызывает следствие R’ — лежит в основе самых разных тематических групп. Здесь действует не совсем обычная логика метонимического переноса — так сказать, против часовой стрелки. Обычно метонимический сдвиг происходит с некоторой исходной ситуации на ее последствие, на ее результат. Например, *X жмет руку Y-у* (воздействие) — *Ботинки жмет* (неприятное ощущение, которое является следствием воздействия, подробнее см. [Кустова 2004: 267—274]). Другим примером «нормального» метонимического сдвига является перенос названия действия на объект-результат (*сочинение приветствия — принес сочинение*), а также на других участников ситуации (*обивка*, см. список таких переносов в [Апресян 1974: 193—200]).

В имплицативной модели эмоциональной реакции (как на качество, так и на количество) характеристика следствия метонимически переносится «обратно», на причину, — так устроены, например, каузативные прилагательные эмоциональной реакции типа *удивительный* (*впечатляющий, потрясающий* и т. п.). *Всех удивила его прическа* — собственно следствие, результат; *удивительная прическа* — название следствия, реакции переносится на сам признак, т. е. метонимически называет причину: ‘такой Р, что вызывает (чем-то) удивление’ — в данном контексте это реакция на «качество», но непонятно, на какое (признак не назван); в случаях типа *удивительная жадность, скромность, смелость, начитанность* речь идет о качествах или параметрах, и удивлять они могут только высокой степенью, т. е. прилагательное используется в функции Magn'а.

Таким образом, имплицативно-метонимическая модель действует как бы в две стороны: сначала сама реакция является следствием, импликацией высокой степени ('такая степень Р, что удивляет'), а потом эта реакция Экспериенцера в виде прилагательного метонимически переносится на признак: *удивительный Р* (и приобретает значение 'большой', 'удивительный по величине').

Другая разновидность имплицативных моделей — отрицательно-модальные: 'Степень Р такова, что невозможно R', ср. *невыразимый, неопиcуемый, непередаваемый, несказанный* — степень Р такова, что невозможно описать, выразить; *невообразимый, немыслимый, непостижимый* — степень Р такова, что невозможно представить, осознать; *неиссякаемый, неистощимый, неисчерпаемый* — так много, что не может закончиться; ср. тж. *невыносимый, непереносимый, нестерпимый, непоколебимый, непобедимый, неудержимый, неукротимый, неумный, непримиримый, неоправимый, невосполнимый*.

Замечание

Все эти модели относятся, в основном, к словам со значением степени, а есть еще слова со значением предела и полного охвата, которые в большей степени характерны для глаголов, но встречаются и у существительных (исчерпывающая полнота).

Итак, первая причина столь большого количества и постоянного пополнения класса Magn'ов состоит в том, что человек производит (или старается производить, или со временем еще произведет) Magn'ы от всего, что имеет высокую степень или в чем проявляется высокая степень.

Вторая причина такого большого количества Magn'ов — то, что они являются не только степенными, но и экспрессивно-оценочными словами. Часто говорящему важнее не обозначить степень, а выразить свое отношение. Именно это стремление к большей экспрессивности и выразительности заставляет человека вместо *большая* (или даже *огромная*) *несправедливость, хорошая память, хороший* (или даже *прекрасный*) *аппетит, крайняя необходимость, большой успех* говорить *чудовищная несправедливость, феноменальная память, зверский аппетит, жизненная необходимость, оглушительный успех*. А для этого ему нужны соответствующие языковые средства.

Третья (но, возможно, не последняя) причина многочисленности Magn'ов в том, что у многих качественных слов конечным пунктом, последней стадией семантического развития оказывается степенное значение (в конце своего «жизненного пути» слово становится Magn'ом): *отчаянный шаг* 'в котором выразилось отчаяние, совершенный от отчаяния' — *отчаянный крик* 'в котором выражается отчаяние + Magn' — *отчаянная нужда* 'Magn' (в этом процессе участвуют также качественные значения относительных слов, ср. *ангельский, рабский, триумфальный*).

Многие прилагательные (и наречия) становятся Magn'ами через стадию оценки — Von 'хороший' (или AntiVon 'плохой'): *ангельское лицо, голос, характер, душа* — 'как у ангела'; *ангельское смирение, ангельская чистота, ангельская до-*

брота, ангельское терпение — *Воп + Magn*; или другой вариант: *Magn*, относящийся только к «хорошим» ситуациям.

И вообще, для оценочных слов типичен переход в класс *Magn*'ов:

ужасный: *ужасные условия, ужасная история* ('плохой') — *ужасный скандал, ужасные мучения* (оценка + степень) — *У него ужасная температура* ('очень большая'). Хотя исходно оценочные слова в значении *Magn*'ов могут утрачивать оценочный компонент (ср. *ужасно красивый, ужасно добрый*), чаще они все-таки сохраняют память о своем оценочном происхождении и, даже употребляясь в контексте нейтральных слов, оценочно характеризуют стоящую за ними ситуацию. Например, хотя *температура* — нейтральное параметрическое слово, для человека высокая температура — это плохо, поэтому сочетание *ужасная температура* с точки зрения согласования по знаку звучит вполне нормально, в отличие от *У него ужасная зарплата* (в смысле 'большая') или *Он пользуется ужасным уважением*;

бесстыдный: *бесстыдная поза, бесстыдные разговоры, бесстыдные предположения* ('плохо'); *почти десятилетие проходила бесстыдная распродажа всего и вся; бесстыдная спекуляция и коррупция, наглая, вызывающая роскошь; бесстыдное бешенство желаний; бесстыдный разврат; бесстыдное вранье; бесстыдная ложь; бесстыдная эксплуатация трудящихся* (*Magn*). Поскольку эти существительные уже содержат отрицательную оценку (словарную или контекстную), определение просто усиливает ее, выполняя функцию *Magn*'а.

Magn'ы-прилагательные являются «динамичным» классом еще в одном отношении. В отличие от глагольных функций, которые являются относительно консервативным классом как по составу, так и по количеству (хотя там тоже, конечно, происходят изменения, например распространенная в XIX в. коллокация *сделать визит* вытесняется современной *нанести визит*, которая эпизодически встречалась, судя по данным НКРЯ, и в текстах XIX в., но в современном языке является преобладающей), состав *Magn*'ов-прилагательных активно (если не сказать безудержно) пополняется: так, в последних версиях Корпуса обнаруживаются сочетания *лайнерская, крейсерская, пожарная, ураганная скорость; калейдоскопическая и лихорадочная быстрота* (а также *астрономическая быстрота*, — это слово и раньше было *Magn*'ом, но нормально сочеталось с *ценами, суммами* и т. п.).

Драматическое заключение

В заключение вернемся к проблеме устойчивости и идиоматичности сочетаний слов с их ЛФ, которая имеет непосредственное отношение и к *Magn*'ам.

Одной из важных идей МСТ была идея «полного охвата», словарной фиксации лексически и фразеологически связанных выражений. Подчеркивалось, что первоочередной интерес представляют не любые лексические корреляты, а «фразеологически связанные выражения»; именно они важны «с точки зрения описания лексической сочетаемости» [Мельчук 1974: 79] и должны записываться в словарной статье ключевого слова в словаре нового типа: например, при слове *друг* ука-

зывается *Магн закадычный*, при слове *враг* — *Магн заклятый*, при слове *тишина* — *Магн гробовая*, при слове *вопл* — *Магн истошный*.

Хотя в приведенных коллокациях, как и вообще в коллокациях в отличие от идиом, только одно слово употребляется во фразеологически связанном значении, а второе — в обычном, свободном значении, второе слово тоже ограничено в том смысле, что именно при слове *вопл* *Магн*’ом будет *истошный*, а, например, при слове *мороз* — *трескучий*, но не наоборот. О сочетаниях типа *вопиющая несправедливость, закадычный друг, заклятый враг, неизгладимое впечатление* И. А. Мельчук писал, что они являются устойчивыми, и более того, «имеют устойчивость 100 %, поскольку выделенные слова не встречаются вне них» [Мельчук 1960: 79]. В более поздней работе определение коллокации (устойчивого сочетания) было уточнено: лексема **В** выражает смысл ‘С’ «в зависимости от лексемы **А**» [Иорданская, Мельчук 2007: 239].

В любом случае традиционные представления о коллокациях заключались в том, что не только при слове *друг* смысл ‘очень’ «лексикализованно» выражается словом *закадычный*, но и слово *закадычный* надежно предсказывает слово *друг*.

Однако представления об устойчивости сочетаний типа *закадычный друг*, их фразеологической связанности, идиоматичности значений входящих в них слов, по-видимому, имеют во многом статистический характер, зависят от объема языкового материала, которым мы располагаем.

Еще в статье [Мельчук 1960] был сформулирован статистический подход к проблеме устойчивости и идиоматичности: признак устойчивости с самого начала мыслился как вариативный («всякое сочетание характеризуется определенной степенью устойчивости» [Там же: 73]), а признак идиоматичности тоже было предложено измерять количественно («Противопоставление идиоматичных и неидиоматичных сочетаний заменится различием сочетаний по степени идиоматичности. Для краткости можно условно называть идиоматичными сочетания с высокой степенью идиоматичности» [Там же]).

Теперь, благодаря доступу к многомиллионным электронным корпусам и Интернет-коммуникации лексикографы не ограничены бумажными картотеками, которые составлялись на основе относительно небольшого (в сравнении с современными ресурсами) количества «образцовых», нормативных текстов. Материал, получаемый из корпусов и Интернета, показывает, как начинают трещать по швам традиционные представления об устойчивости и фразеологической связанности, которые базировались на бумажных словарях. То, что казалось устойчивым и воспроизводимым, оказывается лишь наиболее частотным.

Например, слово *закадычный* в НКРЯ встречается в сочетаниях: *закадычные подруги* (и даже *закадычнейшие подруги* — у Ю. Трифонова), *закадычный приятель* (*приятельница*), *закадычные товарищи*, *закадычные однокашники*, *закадычные единомышленники*, *закадычные холостяки*, *закадычный партнер*, *закадычная дружба* и *закадычный враг*. Самым частотным является, конечно, *закадычный друг*, но и другие сочетания представлены в достаточном количестве, в том числе

и *закадычные враги*. (В МАСе в статье *закадычный* отражены только *друг, приятель* и *дружба*). Возникает естественный вопрос: при слове *одноклассник*, или *приятель*, или *товарищ* должен указываться в толково-комбинаторном словаре Magn *закадычный* и являются ли соответствующие сочетания такими же коллокациями, как *закадычный друг*?

На слово *истошный* НКРЯ выдает много сочетаний со словами *крик* и *вопл*ь (что и следовало ожидать) — *истошный крик* (81) и *истошный вопль* (42), всего — 123 из 278 (имеющихся сейчас, до очередного пополнения Корпуса). И еще 155 контекстов — это слова класса ‘звук’: *лай, вой, визг, скрип, ор, рев, гудки, карканье, дребезжание (гитары), какофония*; ‘речь’: *призывы, выкрики (коммунистических фанатиков), угрозы, шепот, матерщина, возглас, припев, песни, фраза*; ‘внешние проявления внутренних (обычно болезненных) процессов’: *стон, всхлипы*; а также единичные, но вполне объяснимые *истошная тоска, истошный грех* и *истошное колдовство*.

Слово *гробовой*, кроме сочетаний *гробовое молчание* и *гробовая тишина*, в Корпусе встречается также в сочетаниях *гробовое безмолвие, гробовая молчаливость, гробовая немота, гробовая пауза, гробовое спокойствие*.

Примеры можно умножать, но даже немногие приведенные хорошо показывают, что если мы располагаем достаточно большой выборкой языкового материала, то сразу становится видно, как фразеологическая связанность и устойчивость успешно «преодолевается» тенденциями семантически мотивированной сочетаемости и закономерностями семантического расширения.

С переводом словарей из бумажной формы в электронную изменился не только их объем (теперь он практически неограничен), — изменились (можно даже сказать, пошатнулись) важнейшие представления о типах и объеме словарной информации. Появились электронные словари, включающие всю сочетаемость слова, которая обнаруживается в доступных ресурсах — в электронных библиотеках, в электронных корпусах, в текстах Интернет-коммуникации (блоги, форумы и т. п.). Это, однако, не снимает вопросов о фразеологической связанности, устойчивости и идиоматичности, которые были ключевыми для МСТ, а, напротив, возвращает к ним. В этой небольшой статье нет ни места, ни возможности сколько-нибудь подробно рассмотреть эту проблему, но очевидно, что назрела необходимость создания «новой редакции», или, выражаясь компьютерным языком, «новой версии», представлений о свободных и связанных сочетаниях.

Г. И. Кустова
Московский педагогический государственный университет,
Москва
galinak03@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 2004a — *Апресян Ю. Д.* О семантической непустоте и мотивированности глагольных лексических функций // Вопросы языкознания. 2004. № 4.
- Апресян 2004b — *Апресян Ю. Д.* Акциональность и стативность как сокровенные смыслы: охота на *оказывать* // Сокровенные смыслы. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004.
- Апресян 2006 — *Апресян Ю. Д.* Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.
- Апресян 2008 — *Апресян Ю. Д.* Английский толково-комбинаторный словарь. I. Лексические функции // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008.
- Иорданская, Мельчук 2007 — *Иорданская Л. Н., Мельчук И. А.* Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Кустова 2004 — *Кустова Г. И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Мельчук 1960 — *Мельчук И. А.* О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4.
- Мельчук 1974 — *Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974.
- Ройтер 1994 — *Ройтер Т.* О перифрастических наименованиях речевой деятельности // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- ТКС 1984 — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- Reuther 1996 — *Reuther T.* On dictionary entries for support verbs: the case of Russian VESTI, PROVODIT', PROIZVODIT' / Ed. by L. Wanner // Lexical functions in lexicography and natural language processing. Amsterdam; Philadelphia, 1996.